

Что нужно менять в высшем профессиональном образовании¹

В мировом университетском пространстве в последние десятилетия произошли радикальные перемены. Одна из крупнейших – массовизация высшего образования – произошла после 1991 г. и в России, причем даже в более масштабной форме, чем на Западе. Но причины этого явления были разными на Западе и у нас. На Западе это возникновение и развитие знаниевой экономики и общества, смена населения индустриальной эпохи на продвинутое население эпохи постмодерна с углубляющимися эпистемическими свойствами. Массовизация университетов «там» – это свойство эволюционного прогресса науки, технологий, доходов, социальных отношений и, конечно, требований к рабочей силе. У нас – это устранение планового советского барьера, т.е. числа мест в вузах (примерно 18% от каждой когорты молодежи).

Барьер в 1992 г. исчез, число бюджетных мест (с мизерными ассигнованиями на каждое) подскочило кратно, разрешили неограниченное платное образование – вот и все причины массовизации. Ворота открылись, и в них ринулись все, кто хотел «откосить» от армии или не хотел начать рабочую жизнь. Ибо не было и нет ни знаниевой экономики, ни развития науки, ни массового спроса на специалистов высшей квалификации (и даже средней квалификации). Зато есть огромный спрос на дипломы («корочки»), причем не только у молодежи, но и у массового работодателя. Их наша вузовская система готова удовлетворять по полной программе. Зато уже с III или даже II курса студентам дозволяется работать, пропуская, естественно, занятия. Зато почти во всех государственных вузах (в том числе национальных исследовательских) на большинство специальностей при-

нимаются 3–5–7 (максимум 10) студентов на бюджетные места и на порядок(ки) больше на места с оплатой обучения. «Платных» студентов при этом лелеют, берегут, рисуя им положительные оценки.

Попробуем определить то, что явно подлежит изменению (или реформированию), с тем чтобы когда-нибудь поставить наши вузы вровень с вузами Запада (теперь и Востока).

1. *Центральное место в мерах по изменению в высшем профессиональном образовании (ВПО) должно сейчас принадлежать Рособрнадзору.* Сегодня он – часть Минобрнауки, а должен быть независимым и входить в структуру агентств при Правительстве. Сегодня это объект сильнейшего лоббистского прессинга. Мы знаем много публичных заявлений его представителей в отношении школы (особенно по ЕГЭ), но почти не бывает заявлений по делам вузов. Однако это молчание отнюдь не знак того, что всё в порядке. Если сегодня силами зарубежной профессуры провести аудит вузовских программ по социально-экономическим наукам, по психологии, по юриспруденции (да и по многим иным специальностям), случится огромный конфуз. Глубокая реформа Рособрнадзора должна превратить его в орган именно такого аудита. Это приведет к санации тех, кто имитирует ВПО, и выявлению тех, кто сохранил академическую совесть и эффективность деятельности. Все гнилое нужно убрать, и тогда можно кратно или даже на порядок усилить поддержку лучших и хороших.

2. *Нужна категоризация вузов.* Есть федеральные, национальные исследовательские и «прочие» вузы плюс бездна филиалов. При этом почти у всех был всегда одинаковый диплом – гособразца. Почти у всех был всегда только специалист (пять лет обучения), и вдруг эти «почти все» сразу

¹ Данный материал был опубликован в газете «Известия» за 27 июня 2012 г.

об авторе

Л.Л. Любимов, заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор, один из лидеров и ведущих экспертов в области современного образования

перешли на бакалавриат и магистратуру. Магистратура предполагает обязательное исследование и диссертацию. «Почти все» вузы исследований не ведут. А тогда что же у них происходит с магистратурой? Если во всем мире первая функция университета – исследования, то как без этой функции Рособрнадзор открыл тысячи магистерских программ по всей стране? Ответ прост: это же росОБРнадзор. Значит, нужен Рособрнаучнадзор. Нельзя давать лицензию на магистратуру там, где нет исследований с цитированием их результатов в зарубежных индексах. Университет – это не только образовательная оболочка. Если нет исследований, это не университет, а какая-то другая категория. Тем более в таком «университете» не должно быть аспирантуры. В целом предложение сводится к тому, чтобы «прочие вузы» поделить на те, где есть бакалавриат, ограниченные магистратура и аспирантура; те, где есть бакалавриат и очень ограниченная магистратура; те, где есть бакалавриат; наконец, на те, где есть только «прикладной бакалавриат».

3. *Нужна глубокая реальная реформа ВАК.* Она в нынешней провальной ситуации невозможна без определенной интернационализации ВАК, т.е. участия в его работе зарубежных экспертов по всем наукам, где произошел значительный некроз качества. А по экономике, праву, психологии, педагогике экспертизу нужно доверить в основном тем, кто обладает научной степенью Ph.D. Не стал бы исключать и «люстрацию» тех, кто защитил диссертации по этим наукам в последние 20 лет. Категоризация вузов поможет на порядок (а может, больше) сократить число диссертационных советов. Цель реформы: ВАК должен отмечать дипломами только те диссертации, которые отвечают требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание степени Ph.D. в университетах, входящих в топ-100 в мировых рейтингах.

4. *Стратегические интересы российской экономики и общества требуют максимальных усилий для превращения университетского сообщества в главный исследовательский комплекс страны.* Сама матрица университетской культуры должна быть переформатирована под паттерн гумбольдтского университета, но с учетом реалий XXI в.: первая функция – исследования, вторая – образование, третья – социальная, чет-

вертая – участие (в качестве лидера) в реформировании школы. Но главная – исследовательская. Это задача не для краткосрочного проекта, а, возможно, для поколения. Она должна стать существом стратегической политики в российском ВПО с соответствующими ресурсами, значительная часть которых имеется внутри самой системы ВПО, если, конечно, она будет подвергнута глубокому реформированию.

II

В отличие от школ в 1991 г. вузы получили налоговый иммунитет на коммерческие доходы, включая доходы от аренды, свободу в определении структуры направлений высшего профессионального образования, чрезвычайную снисходительность надзорного органа (его представитель появлялся в вузе раз в пять лет и присутствовал там в течение одной недели), фактическую свободу в определении кандидатов в ректорский корпус. Провалы 1990-х гг. частично простительны, объяснимы. Продолжающееся падение качества в 2000-е и далее уже непростительно, но тоже объяснимо, хотя и иначе, чем в 1990-е.

Потеря качества является следствием утраты университетского этоса – совокупности профессиональных принципов, убеждений, норм поведения, ценностной матрицы. Эта утрата латентно имела место уже при советской власти, когда огромную часть наук – гуманитарные и социальные – студенты вузов «изучали», а обучали их тому, что наукой во всем остальном мире не считалось. Носители этих «наук» плавно перешли в постсоветскую эпоху, и большая их часть стали носителями и трансляторами примитивных знаний (и не менее примитивных исследований) мирового мейнстрима. О каком профессиональном этосе здесь можно говорить? В лучшем случае о его остатках.

К указанным носителям в 1990-е «перебежали» тысячи тех, кто в прошлом трудился отнюдь не на гуманитарных и социальных кафедрах. Этос продолжал таять. В те же годы стали толпами принимать в студенты «по собеседованию» (лишь бы платили) и рисовали им положительные отметки (лишь бы платили). Сразу начали строить филиалы – «фабрики» дипломов, затем учебно-консультационные пункты

(пункты по продаже и выдаче дипломов) едва ли не в каждом райцентре. Потом научились (вместо науки) писать трафаретные курсовые, выпускные, дипломные работы – на продажу. Дальше – больше: стали изготавливать кандидатские и докторские – тоже на продажу. Потом пышно расцвел cheating, т.е. мошенничество (плагиат, «компиляшки» и т.д.). А поток «корочек», в том числе «корочек» доцентских, кандидатских, докторских и профессорских дипломов, нарастал стремительно.

На рубеже веков ректоры почувствовали, что все складывается в некий бизнес, где университетский этос вообще не нужен – науки-то нет, да и никто не контролирует, чему и как учат. А сами обучаемые – контролеры нулевые: не случайно образовательные услуги во всем мире называют «доверительным товаром» (trust commodity), т.е. товаром, которому можно только верить, а верифицировать его клиент не может, не умеет.

В итоге университетский этос растаял, воцарился этос бизнеса для внутреннего (внутри вуза) пользования, но риторика вовне сохранилась интернациональная, включая требования вроде «пустите нас в международные рейтинги – мы такие же, как на Западе и на Востоке!». Нет, не такие же. Что же тогда делать с университетским этосом? Восстанавливать. Как?

Во-первых, «переливанием крови». Д. Ливанов рекрутирует «чужую» кровь в МИСИСе – нанимает зарубежных профессоров, у которых нашей ВИЧ-инфекции нет. Правда, первым это начал делать Я. Кузьминов в «Вышке» – она с этого начиналась и поэтому, видимо, не заразилась.

Во-вторых (это даже важнее), нужно восстанавливать в вузах науку, ее результаты должны верифицироваться международными индексами цитирования и другими внешними, независимыми механизмами оценки. Ученые, дающие очевидный результат, плагиатом не займутся и взятку не возьмут. Иными словами, введите (верните) в университет подлинную профессиональную профессорскую практику (исследования) – вернется этос, ибо вернутся люди с чувством и опытом профессионального достоинства. Они постепенно заменят нынешнее большинство имитаторов профессорских и докторских дипломов.

В-третьих, в каждой университетской практике (деятельности) нужно норма-

тивно ввести культуру peer review (независимой профессиональной оценки) – традиционный для Запада инструмент контроля истинности того, что делается и презентуется. Для большей части нашего университетского сообщества это будет как хина для ребенка. Кто был в первых рядах борьбы с ЕГЭ, с прозрачностью в образовании? Ректорский корпус.

В-четвертых, нужно менять ректорский корпус. Почти весь. У нас нет, как «там», двух должностей – chancellor (ректор), т.е. крупный ученый и организатор с международными планками этих качеств, и president – «собиратель условий» жизни, т.е. финансовых средств, имущественных приращений. Наш институт президентов вуза – это пустая уступка «старичкам» (лишь бы ушли) с нулевым функционалом этой должности.

В-пятых, вузы (все) должны восстановить гуманитарный компонент в обучении молодежи. Западные исследовательские университеты переходят к обязательному глубокому изучению философии (в составе малого надпредметного ядра, включающего также прикладную математику и computer science – компьютерные технологии), прежде всего метафизики как специального метода осмысления картины мира, позволяющего принять и понять мультипарадигмальность наук о «живой материи». И.А. Ильин писал: «Образование само по себе есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнудывает и портит его...» «Образование не поможет нам, если оно не оставляет места метафизике... Настоящий изъян (образования) кроется в отсутствии осведомленности учащихся в вопросах метафизики, (в том числе) о предпосылках науки, о смысле и значении научных законов...» Эрнст Шумахер и И.А. Ильин – два великих мыслителя – давно говорили об одном и том же. На Западе к метафизике вернулись. Мы считаем гуманитарное знание «баловством», чем-то неутилитарным. В огромной мере поэтому молчит наша наука, подавлен университетский этос. Academia – гильдия университетской профессуры – не имеет права быть такой же, как общество. Она должна быть высоко над ним и нести свою миссию – главного ценностного института любой нации.